

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.9.5>

Салфетников Дмитрий Анатольевич

Региональные условия развития кубанских и ставропольских промышленных предприятий к концу нэпа

Цель исследования - определение условий промышленного развития южных регионов - Кубани и Ставрополья - в контексте задач восстановления и реконструкции их промышленности в последние годы нэпа. Была проделана исследовательская работа по изучению деятельности промышленных предприятий в сельскохозяйственных районах Северного Кавказа в период перехода от нэпа к осуществлению задач индустриализации. Научная новизна заключается в изучении региональной специфики состава и функционирования промышленности в аграрных регионах в период изменения парадигм и рычагов управления экономикой. В результате обосновано, что в указанный период взаимосвязи и взаимодействия аграрного сектора и ориентированной на него перерабатывающей промышленности приобретают кризисные оттенки в связи со сложившейся социально-экономической ситуацией. Дифференциация предприятий по отраслям промышленности проявлялась большей частью на Кубани, чем в Ставрополье; немногочисленные предприятия, имеющие значительный вес в экономике, имелись в обоих регионах.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/9/5.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 9. С. 30-34. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

17. Чернов В. М. Конечный идеал социализма и повседневная борьба. Ревель: Изд-е Ревел. комитета ПСР, 1917. 32 с.
18. Чернов В. М. Этика и политика. СПб., 1911. 86 с.
19. Шуб Д. Н. Политические деятели России (1850-х – 1920-х гг.): сб. ст. Нью-Йорк: Изд-е «Нового журнала», 1969. 400 с.

The Russian Democratic Socialism of the First Half of the XX Century in the Context of the Global Socialist Movement

Protasova Olga Lvovna, PhD
Tambov State Technical University
olia.protasowa2011@yandex.ru

The paper aims to identify typical features of the Russian democratic socialism as an integral element of the global socialist movement. The author examines the basic provisions of the democratic socialist theory taking into account its national interpretations representing specificity of the Russian political and cultural mentality. Scientific originality of the study involves a comparative analysis of the European socialists' and the Russian socialists' views on the key ideological and tactical issues of struggle for social progress. The research findings are as follows: the author proves that the domestic democratic socialism anticipated the conception of social legal state recently adopted in many West European countries.

Key words and phrases: Russian democratic socialism; ideology; political parties; freedom; state.

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.9.5>

Дата поступления рукописи: 14.08.2020

Цель исследования – определение условий промышленного развития южных регионов – Кубани и Ставрополья – в контексте задач восстановления и реконструкции их промышленности в последние годы нэпа. Была проделана исследовательская работа по изучению деятельности промышленных предприятий в сельскохозяйственных районах Северного Кавказа в период перехода от нэпа к осуществлению задач индустриализации. *Научная новизна* заключается в изучении региональной специфики состава и функционирования промышленности в аграрных регионах в период изменения парадигм и рычагов управления экономикой. *В результате* обосновано, что в указанный период взаимосвязи и взаимодействия аграрного сектора и ориентированной на него перерабатывающей промышленности приобретают кризисные оттенки в связи со сложившейся социально-экономической ситуацией. Дифференциация предприятий по отраслям промышленности проявлялась большей частью на Кубани, чем в Ставрополье; немногочисленные предприятия, имеющие значительный вес в экономике, имелись в обоих регионах.

Ключевые слова и фразы: отрасль промышленности; нэп; аграрный регион; индустриализация.

Салфетников Дмитрий Анатольевич, к. ист. н., доц.
Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина
da.salfetnikov@mail.ru

Региональные условия развития кубанских и ставропольских промышленных предприятий к концу нэпа

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью обобщения итогов и особенностей промышленного развития регионов на этапах социально-экономических трансформаций, одним из которых являлось свертывание нэпа. Исторический опыт вариативности преодоления кризисных явлений с позиций индустриальных задач и важности их решения имеет серьезное значение для изучения подобных процессов, проявляющих себя на современном этапе развития страны и ее экономики. В исследовании необходимо очертить круг наиболее существенных *задач*: рассмотреть, как установка на развитие тяжелой промышленности в аграрных регионах повлияла на состояние перерабатывающей; какую роль сыграло проведение линии на централизацию и укрупнение производства; изучить условия, влиявшие на кадровую обеспеченность предприятий различных отраслей промышленности в конце нэпа, а также ситуацию с дифференцированием предприятий, исходя из их производственной значимости.

Методологической основой послужили: системный подход, принципы историзма, объективности, сравнительный и индуктивный методы.

Теоретической базой исследования послужили документальные источники по данной научной проблеме, в первую очередь – введенные в научный оборот архивные материалы из фондов Государственного архива Краснодарского края (ГАКК), Центра документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК), Государственного архива Ставропольского края (ГАСК), Государственного архива новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК), а также опубликованные документальные материалы. *Практическая значимость* работы заключается в возможности использования ее результатов, которые отражают особенности функционирования промышленных предприятий в отдельных районах Северного Кавказа в переходный период смены экономической политики, в условиях доминирования сельскохозяйственного производства,

при подготовке спецкурсов по истории регионального социально-экономического развития, краеведческой литературы, а также для просветительской работы.

При нэпе многоукладность экономики сыграла свою восстановительную роль, несмотря на острые внутрипартийные споры о возможных отступлениях от марксистско-ленинских постулатов, о вариативности экономического развития. Что же касается планомерного развития экономики, то в нем многие специалисты тогда видели «неисчерпаемый источник экономических чудес», позволяющий «обеспечить устойчиво высокие темпы развития» всего народного хозяйства. О плане, о нэпе впервые говорили, дискутировали те, кто был в авангарде экономических теорий и процессов 1920-х гг.: Н. Д. Кондратьев, С. Г. Струмилин, В. А. Базаров и другие видные теоретики, экономисты. В. А. Базаров, например, процессы эти не идеализировал, особенно в условиях «воюющей технической отсталости», настаивая на новом уровне производительных сил и необходимости организационного и технического прогресса [11, с. 157]. В поздний советский, а затем в российский период, в конце 1980-1990-х гг., появляются исследования, уже не следовавшие в русле жестких партийно-идеологических догм, но учитывавшие важнейшие достижения советской историографии предыдущего периода. Они касались изучения отдельных сторон социально-экономической истории периода 1920-х гг. на региональном уровне, в том числе промышленного строительства на Северном Кавказе – на Кубани и Ставрополье. Это, например, работы А. В. Баранова [1], Ю. И. Верхотурова [3], Ю. Б. Рагера [16] и других ученых. Исследовательский импульс в изучении региональной промышленности периода нэпа и начального периода индустриализации продолжает развиваться учеными и сегодня.

В 1926 г. в целом народнохозяйственный механизм в стране был восстановлен. Выходу из кризиса способствовала напряженная работа по восстановлению промышленного потенциала. К 1927 г. на Северном Кавказе удалось превзойти довоенный уровень промышленности на 20% и более, хотя по нефтедобыче отставание продолжало сохраняться [14, с. 22].

Экономическая структура регионов Северного Кавказа обуславливала необходимость развития здесь промышленности, базой для которой являлись местные сырьевые ресурсы. И они были довольно разнообразными. Конечно, это в первую очередь продукция сельского хозяйства (зерно, масло, животноводство), а также имеющиеся здесь природные ископаемые (нефть, сырье для цемента и других строительных материалов). Для страны, вынужденной тогда покупать станки, их переработка имела стратегическое значение. А село уже рассматривалось в качестве основного источника средств для проведения будущей индустриализации. Общие для страны задачи промышленного развития упирались в конкретные региональные условия. Промышленность Кубани и Ставрополья была в основном ориентирована на переработку сельскохозяйственного сырья. И задача здесь стояла такая: развивать промышленность так, чтобы она все более была связана с сельскими районами [10, с. 42].

Здесь необходимо остановиться на административно-территориальных преобразованиях в рассматриваемых южных районах страны. С 1924 по 1930 гг. кубанские и ставропольские округа входили в Северо-Кавказский край: Кубанский, Майкопский, Армавирский, Черноморский, Ставропольский и Терский. По реализации плана развития краевой промышленности к 1929 г. предполагалось превращение не только Кубани, Дона, Ставрополья, а всего Северного Кавказа в индустриально-аграрный центр Юга России.

Четыре кубанских округа различались не только по количеству населения, социальному составу, но и по степени промышленной оснащенности, наличию небольшого тогда количества крупных предприятий, что позволяло рассматривать и аграрно-индустриальные характеристики округов. Ставрополье представляло собой классический аграрный регион, где вся промышленность располагалась на небольшой площади, а всех промышленных рабочих насчитывалось полпроцента населения (это более 4 тыс. человек). Почти все предприятия относились к пищевой промышленности, то есть в основном занимались переработкой местного (как правило) сельскохозяйственного сырья, а только три – к металлообрабатывающей [17, с. 27-28].

Обсуждая состояние промышленности в Ставропольском округе на VII окружном съезде профсоюзов в конце 1926 г., его участники отметили, что число находящихся в аренде у частных промышленных предприятий сократилось за год почти на треть, основной капитал государственной промышленности составляет более 365 тыс. рублей [10, с. 96].

Рост цензовой промышленности, чьи предприятия имели двигатели и определенное количество рабочих, был налицо, да и приоритеты в развитии экономики на региональном уровне были расставлены. В частности, в докладах на 4-й краевой Северо-Кавказской партконференции по промышленным вопросам отмечалось то, что промышленность в регионе развивается и занимает все большее место в его народном хозяйстве, а также и то, что приоритетом является развитие тяжелой промышленности. Мотивировалось это тем, что постройка новых фабрик и заводов помогала преодолеть дефициты промышленных товаров, а переработка ими сырья сельского хозяйства содействовала реконструкции сельского хозяйства, поднимая его «на более высокую ступень развития» [Там же, с. 191].

В документах той поры, связанных с рассмотрением динамики промышленного развития, преодолением его проблем, связанных в том числе и с притоком рабочей силы в города, на предприятия, этот фактор (наличие сырьевой базы для местной промышленности) отмечается неоднократно. «Базой для промышленности Краснодара служит, главным образом, сельхозсырье. Развитие промышленности и сильное возрастание размеров и видов промышленных предприятий находится в прямой зависимости от реконструкции и интенсификации сельского хозяйства, делающих его более трудоемким. Будет также параллельно идти и его механизация, уменьшающая трудоемкость». И далее по кубанской столице резюмировалось так: «Предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья требуют, сравнительно с другими отраслями

промышленности, небольшого количества рабочих. Следовательно, возрастания населения Краснодара по этим причинам надо ожидать постепенно» [6, д. 38, л. 12]. Не только Краснодар, но и другие города превращались именно в этот период в промышленные центры: Новороссийск, Ставрополь и даже небольшой приморский Туапсе. Это весомый показатель исторической действительности того периода, хотя, конечно, и отличались они по своему промышленному потенциалу, по количеству действующих предприятий.

Следует также заметить, что наряду с проблемами рабочих и их распределения на действующих предприятиях остро стоял вопрос подготовки рабочих кадров, инженерных и других специалистов. В условиях существующей безработицы второй половины 1920-х гг. речь шла не только об ее преодолении, но и об ответе на запрос советской экономики, в первую очередь – нэповской промышленности. Это был запрос на новые заводы, реконструкцию старых и обеспеченность их достаточным количеством квалифицированных кадров. К 1927 г. всем трестам, промышленным отделам округов, окружным советам профсоюзов и даже окружкомам комсомола было заявлено следующее. «В условиях развития промышленности на Северном Кавказе, индустриализации округов за счет укрупнения производственных единиц и организации новых заводов встают большой важности вопросы в подготовке новых кадров квалифицированных рабочих, способных удовлетворять потребность промышленности при современном ее оборудовании» [9, д. 10, л. 24].

Несмотря на расширение льготных условий работы для рабочих госпредприятий в соответствии с установками марксистско-ленинской идеологии и действиями властей, на практике уровень зарплаты на государственных промышленных предприятиях нередко был ниже, чем у частника. И это было проблемой, поскольку создавало условия для оттока рабочей силы (в том числе и квалифицированной) в кустарную промышленность или частные предприятия. Кстати, с конца 1926 г. особенно в районной промышленности происходили сокращения рабочих и служащих на производстве, случаи задержки им заработной платы [18, д. 271, л. 45]. В этот период, особенно с 1927 г., проводилась и плановая миграционная, переселенческая политика при поддержке государства (это помимо стихийной миграции), в том числе и в земли Кубани и Ставрополя. Причем кроме Сочинского и других районов, планировавшихся для переселенцев, но не всегда готовых для этого, наиболее удобным, с массой свободных земель, был именно Терский округ Ставрополя [2, с. 429]. Происходил и отток рабочей силы в города, причем не только из среды переселенцев, а реконструкция и дальнейшее развитие промышленности были важнейшим фактором не только развития кубанского и ставропольского села, но и трудоустройства значительного количества работников, преодоления безработицы. Но полного ее преодоления на момент свертывания нэпа все-таки не предполагалось (что фиксировалось и в документах) именно из-за специфического состава безработных, «тесно связанных с городом и приливом населения из-за пределов края» [10, с. 254].

Если Ставропольский и Терский округа Северо-Кавказского края имели, в силу своей чисто аграрной специфики, примерно равные «стартовые» условия для развития местной промышленности, то кубанские округа в этом смысле различались. Так, в 1926-1928 гг. половина промышленности Армавирского округа являлась мукомольной, по большей части нецензовой, что далеко не всегда отвечало чаяниям казачье-крестьянского населения [Там же, с. 222]. При этом по наибольшему числу селян в соотношении с городскими рабочими на первом месте был Кубанский округ (их было почти в 9 раз больше), но он лидировал по общему количеству рабочих. В Черноморском округе, несмотря на то, что он занимал по этому показателю третье место, городских рабочих было больше почти на 4 тысячи (14587 человек), чем сельских [4, с. 285-286, 347-350].

Вообще, Кубанский округ был самым большим по населению из существующих тогда округов Северо-Кавказского края (их было 19). Соответственно, и посевные площади этого округа были наибольшими: они занимали практически пятую часть всей посевной площади края, но и доля цензовой промышленности составляла 13,6% от краевой [15, с. 392, 501].

Проработка вопросов взаимодействия промышленности и аграрного сектора кубанских и ставропольских округов выходила как на советский, государственный, так и на партийный уровень. Эти вопросы были посвящены увеличению выпуска, переработки продукции сельского хозяйства и других природных ресурсов, а также проблемам управления и эффективности действий советского аппарата в целом. Например, на заседании 10-й окружной конференции Терского окружкома ВКП(б) в ноябре 1927 г. был заслушан доклад представителя Краевой контрольной комиссии. В нем прозвучало, что «если товары, продукция и все необходимые предметы, которые получает с фабрик наше крестьянство, будут дороже, чем при царском правительстве, то конечно, такой аппарат со стороны крестьянства вызовет справедливые нарекания, поэтому смычка рабочего класса с крестьянством приведет к нежелательным результатам...». Политический аспект (он, безусловно, присутствовал) подчеркивался тем, что это, соответственно, ведет за собою осложнения, а значит, и «третью силу, которая и здесь, и за границей все время ожидает этого момента» [7, д. 23, л. 115].

К концу нэпа еще одной характерной «смычкой» становится неуклонное слияние партийных, государственных и хозяйственных структур, меняются соответствующая парадигма. Идет наступление на частника, арендатора, усиливается практика применения чрезвычайных методов в хозяйственной жизни. Усиливаются надзорные функции контролирующих органов, как, собственно, и выкачивание средств, продукции перерабатывающей промышленности из кубанских и ставропольских округов. Кустарная промышленность, особенно на Кубани, все более выполняет подсобные функции в процессе развития и реконструкции более крупных предприятий, принадлежавших государству. Потенциал нэповской промышленности (в основном небольших мукомольных, маслособойных, винокурных и других предприятий) жестко ставился под контроль перед «второй волной» национализации 1928-1929 гг. Обостренная зерновым кризисом 1927-1928 гг., ситуация в рассматриваемых регионах имела негативные последствия, прежде всего из-за падения производства муки.

Ответственность за состояние и сохранность агрегатов, инфраструктурных компонентов несли владельцы (различные по имущественному и социальному статусу), и это обуславливалось документами и действиями конкретных органов. Так, работавшая в ставропольских районах инспекция Северо-Кавказского Крайотдела Труда издала распоряжение о том, что все владельцы паровых котлов (использующихся, например, в мукомолье), как продавшие свои котлы после октября 1926 г., так и купившие их, обязаны были подать сведения. И далее: «В случае, когда техинспектором будет обнаружено, что действующий котел по вине владельца не был зарегистрирован и поэтому о нем не было сведений в отделе Труда, за это виновные владельцы будут привлекаться к уголовной, либо административной, либо дисциплинарной ответственности» [8, д. 108, л. 1].

Последние 2-3 года периода нэпа сопровождались укрупнением производства, но скорее не в смысле увеличения предприятий по площади, количеству цехов, параллельном строительстве инфраструктуры, резком увеличении числа рабочих. В рамках заданий по развитию тяжелой промышленности в крае укрупнялись в основном предприятия, находившиеся в городах, немногочисленные, но те, которые могли этим усилить свой экономический вес и увеличить выпуск продукции. Это заводы и фабрики Ставрополя, Георгиевска и Невинномысска, а на Кубани – предприятия Краснодара, Армавира, Новороссийска. В качестве примера можно привести факт передачи в августе 1926 г. наиболее крупному (металлообработывающему) заводу Ставрополя «Красному Металлисту» оборудования предприятий, работающих как раз на сельскохозяйственном сырье. С двух пивоваренных заводов (бывшие «Груби» и «Салис») металлисты получили 15-пудовый чугунный привод, 3-пудовую чугунную стойку, старый 12-ведерный котел, даже со скотобойни – 10 двухпудовых гирь и 35 пудов чугунного лома [9, д. 10, л. 194]. В ход шло все, что так или иначе помогало производству. В Краснодаре в конце того же года одно из крупных на то время предприятий Кубани – обозо-бричечный завод имени Калинина получил оборудование колесного цеха завода «Красный», и на других крупных предприятиях города происходило подобное (завод имени Седина, «Краснолит» и др.) [5, д. 153, л. 12, 78].

Несмотря на проведение контрактации с сельскими жителями на Кубани и Ставрополье, положение было сложным как в мукомольной отрасли, так и с маслозаводами. Например, в Кубанском округе их количество сократилось почти на 36% [Там же, д. 204, л. 75]. Современные исследователи нэпа на Юге России справедливо полагают, что государственная промышленность, вытесняя частную, сама при этом лишилась (за небольшим исключением) финансирования как из краевого, так и из центрального бюджетов, теряя самостоятельность. К концу нэпа устанавливался ярко выраженный «диктат промышленности над сельским хозяйством», равно как и приоритет тяжелой и добывающей промышленности над пищевой и легкой. А ведь именно они – мукомольная и маслостроительная – в прошлом были ведущими отраслями, а теперь фактически разрушались, что приводило к краху сельской промышленности [16, с. 20-21].

На территории Ставрополя в 1927-1928 гг. насчитывалось 146 промышленных предприятий, из них 140 относились к цензовой промышленности. Это было меньше, чем в довоенном 1913 г. (их тогда насчитывалось 169) по причинам тяжелых потерь предыдущего периода. Но продукции они производили больше в ценах 1926-1927 гг. – 58,2 млн руб. против 30 млн руб. в 1913 г. Из них 93 предприятия относились к пищевой промышленности [19, с. 6].

На Кубани имеющиеся крупные предприятия почти все входили в тресты: окружные, краевые, относящиеся, кстати, к группе тяжелой промышленности. Краевой «Кубметаллстром», «Новоросцемент», нефтяные тресты были в сфере внимания как краевого, так и республиканского Совета Народного Хозяйства (СНХ) («Кубчернефть», а также кубанские предприятия «Майнефти» и «Грознефти»). Насущной проблемой была реконструкция отдельных крупных предприятий, чья выпускаемая продукция соответствовала поставленным на тот период задачам. Не трудно сделать вывод о том, что положение предприятий цементной (новороссийские цементные заводы) и нефтяной промышленности было гораздо лучше, чем перерабатывающей, поскольку они все-таки финансировались регулярно, будучи подчиненными и краевым, и центральным органам. Экономическая политика постепенно и неуклонно начинает характеризоваться внедрением административно-хозяйственных методов. И трестирование (то есть создание советских производственных объединений – трестов), укрупнение производств было отражением этих процессов: появляются районные объединения, промышленные комбинаты на Кубани, часть предприятий (в основном средних или крупных) перевели в подчинение общереспубликанским хозяйственным органам [13, с. 51-52].

Цензовая группа промышленности в этих условиях приобретает все большее значение, хотя в ряде округов (например, в Армавирском) нецензовая промышленность в 1926-1927 г. перерабатывала зерна больше, чем в 1927-1928 г. цензовая [10, с. 222]. Рост производства промышленности кубанских округов продолжался до конца 1927 г., но составлял он за 3 года чуть более 8% и не благодаря капиталовложениям извне (их почти не было), а в основном за счет амортизационных отчислений [12, с. 45]. А производственные задания повышались, формировалась плановая, административно-командная экономика. В частности, в сообщении Кубанского промышленного отдела о составлении текущей производственной программы сообщалось, что повышение годовой программы по отдельным трестам в среднем составляло 22%, а местами и больше [5, д. 153, л. 15].

И капиталовложения в отдельные краевые тресты повышались, например, в тот же «Новоросцемент», это объяснялось важностью строительных материалов для развивающихся строек, а цемент вообще был «стройматериалом № 1». Впереди была индустриализация с ее сверхзадачами и материальным напряжением. Свертывание нэпа в условиях незавершенности восстановительного периода в аграрных регионах, какими являлись Кубань и Ставрополье, начало сплошной коллективизации серьезно ограничило экономические взаимосвязи между сельским хозяйством и промышленностью. Процесс свертывания нэпа сопровождался проблемами укрупнения производства, безработицы и социального обеспечения как сельских жителей, так и городских.

Таким образом, мы подходим к следующим **выводам**. Если в целом стабильный рост аграрного производства в середине 1920-х гг. влиял положительно и на рост промышленности, то к концу нэпа сокращение производства зерна и маслосемян негативно отразилось на приоритетной отрасли промышленности в аграрных регионах. Свою роль сыграла также и установка на развитие в них тяжелой промышленности. В период второй половины 1920-х гг. заметный рост производительности был отмечен на промышленных предприятиях, принадлежавших государству. Линия на централизацию и укрупнение производств шла неуклонно со второй половины 1920-х гг. Централизация производства и трестирование касались в основном предприятий крупных: на них, собственно, и «делалась ставка» в канун свертывания нэпа и начавшейся индустриализации. Наряду с проблемами рабочих и их распределения на действующих предприятиях, остро стояла задача подготовки рабочих кадров, инженерных и других специалистов. В условиях существующей безработицы второй половины 1920-х гг. речь шла не только о ее преодолении, но и о насыщении промышленных предприятий достаточным количеством рабочих кадров, повышении их квалификации.

Список источников

1. Баранов А. В. Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. Краснодар: Куб. гос. ун-т, 1999. 345 с.
2. Булгакова Н. И. Миграции населения Северо-Кавказского края на рубеже 20-30-х годов XX века // Социология села: теоретическая и практическая проблематика: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Краснодар, 13-14 ноября 2008 г.): в 2-х т. Краснодар: КГАУ, 2008. Т. 1. С. 420-434.
3. Верхотуров Ю. И. Деятельность партии по развитию экономических связей между городом и деревней в 1921-1927 годах (на материалах Дона, Кубани и Ставрополья): дисс. ... к. ист. н. Краснодар, 1990. 235 с.
4. Всесоюзная перепись населения 1926 года / ЦСУ СССР. М.: ЦСУ, 1929. Т. 22. Крымская АССР; Северо-Кавказский край; Дагестанская АССР. VII+516 с.
5. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-237. Оп. 1.
6. ГАКК. Ф. Р-1547. Оп. 1.
7. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК). Ф. 5938. Оп. 1.
8. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. Р-542. Оп. 1.
9. ГАСК. Ф. Р-575. Оп. 1.
10. История индустриализации Северного Кавказа (1926-1932 гг.): документы и материалы / под ред. В. И. Филькина. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1971. 564 с.
11. Кржижановский Г. М., Струмилин С. Г., Кондратьев Н. Д., Базаров В. А. Каким быть плану: дискуссии 20-х годов. Л.: Лениздат, 1989. 223 с.
12. Кубань и Черноморье. Краснодар и его окрестности: экскурсионные маршруты по Кубанск. округу и Сев. Зап. Кавказу / Кубанск. окружн. бюро краеведения. Краснодар: Глав. тип. Кубполиграф, 1927. 167 с.
13. Материалы к докладу о работе Кубанского окружного исполнительного комитета за 1924-25, 1925-26, 1926-27 и первую половину 1927-28 гг. Краснодар: Глав. тип. Кубполиграф, 1928. 117 с.
14. Меняйлов А. А. Индустриализация аграрных регионов Северного Кавказа в 1900-1930-е гг.: автореф. дисс. ... к. ист. н. Пятигорск, 2013. 28 с.
15. Отчет о деятельности Северо-Кавказского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских, красноармейских, казачьих и горских депутатов за 1925-1926 гг. Ростов н/Д, 1927. 519 с.
16. Рагер Ю. Б. Проблемы развития промышленности Кубани и Черноморья в годы НЭПА (1921-1929 гг.): автореф. дисс. ... к. ист. н. Краснодар, 1995. 22 с.
17. Труды Ставропольского сельскохозяйственного института. Ставрополь, 1967. Вып. XXVI. Социально-экономический. 192 с.
18. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 8. Оп. 1.
19. Цогоев Н. В. Развитие народного хозяйства Ставрополья за 40 лет Советской власти: краткий стат.-экон. очерк. Ставрополь: Ставроп. кн. изд-во, 1957. 104 с.

Regional Specificity of the Kuban and Stavropol Industrial Enterprises Development in the Last Years of New Economic Policy

Salfetnikov Dmitriy Anatolyevich, PhD
Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin
da.salfetnikov@mail.ru

The paper aims to identify specificity of industrial development of the southern regions – the Kuban and Stavropol Territory – in the context of the industrial reconstruction problem, which became relevant in the last years of New Economic Policy. The researcher's attention is focused on analysing industrial enterprises activity in the North Caucasus agricultural regions in the period of transition from New Economic Policy to industrialization. Scientific originality of the study involves revealing specificity of industrial enterprises functioning in agricultural regions under conditions of changing economic paradigms. The conducted research allows concluding that in the mentioned period, cooperation of the agrarian sector and the related food processing industry falters due to the complicated socio-economic situation. Sectoral differentiation of enterprises mainly occurred in the Kuban region, and less frequently – in the Stavropol Territory; in both the regions there were a number of large-scale enterprises.

Key words and phrases: industry branch; New Economic Policy; agricultural region; industrialization.